

дэвид брукс

бобо* в раю:
откуда берется
новая элита

* богемные буржуа
(bourgeois bohemians)

Дэвид Брукс

**Бобо в раю. Откуда
берется новая элита**

«Ад Маргинем Пресс»

2000

Брукс Д.

Бобо в раю. Откуда берется новая элита / Д. Брукс — «Ад
Маргинем Пресс», 2000

ISBN 978-5-91103-151-0

Книга американского социолога и журналиста Дэвида Брукса посвящена описанию нового класса, возникшего за последние двадцать лет в США. Для обозначения этого класса автор придумал неологизм «бобо» (bourgeois bohemian, богемная буржуазия). Русским читателям более известны другие определения – хипстеры, креативный или образованный класс. Но как бы ни менялись названия или национальная специфика, перед нами новая глобальная элита, соединившая в своем этосе демократизм и элитизм, уважение к образованию и финансовую состоятельность, творчество и корпоративный бизнес. Путеводитель по миру «бобо» – возможность узнать о привычках и происхождении элиты информационного века, то есть возможность понять и принять ее.

ISBN 978-5-91103-151-0

© Брукс Д., 2000

© Ад Маргинем Пресс, 2000

Содержание

Предисловие	6
1. Возвышение образованного класса	8
Пятидесятые	11
Эпоха перемен	15
Шестидесятые	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дэвид Брукс

Бобо в раю. Откуда берется новая элита

©David Brooks, 2000

©ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013

©Дмитрий Симановский, перевод с английского, 2013

©Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Art Foundation, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Джейн

Предисловие

Эта книга началась с нескольких наблюдений. Проведя четыре с половиной года за границей, я вернулся в Соединенные Штаты и, окинув родину свежим взглядом, обратил внимание на целый ряд занятых рокировок. В элитных, населенных преимущественно WASP'ами¹ пригородах появились артистические кофейни, где посетители пили европейский эспрессо под альтернативную музыку. В богемных же районах в центре города развелось несметное количество лофтов за адские миллионы и магазинов а-ля «все для сада», где искусственно составленные тяпки продаются по 35.99 долларов. Корпоративные монстры типа «Майкрософт» или Гар принялись вдруг использовать в рекламе цитаты из Ганди и Джека Керуака. Статусными атрибутами как будто махнулись, не глядя: модные адвокаты щеголяли в очечках в стальной оправе, которые раньше носили подростки, потому что теперь, очевидно, правильное было косить под Франца Кафку, нежели под Пола Ньюмана.

Давно установленные границы стерлись – вот что поразило меня больше всего. На протяжении всего XX века отличить мир капитализма от богемной контркультуры не составляло труда. Будучи практичными обывателями, буржуа определяли традиционную мораль среднего класса. Они работали в крупных корпорациях, жили в пригородах и ходили в церковь. В свою очередь, деятели богемы пренебрегали общепринятыми нормами поведения. Это были художники и интеллектуалы, битники и хиппаны. В старой системе представители богемы были носителями ценностей радикальных 1960-х; в свою очередь буржуазия нашла свое яркое выражение в предприимчивых яппи 1980-х.

Однако в Америке, в которую я вернулся, буржуазные и богемные атрибуты перемешались. Отличить потягивающего эспрессо художника от поглощающего капучино банкира стало практически невозможно. И дело не только в модных аксессуарах. Я обнаружил, что даже подробное исследование предпочтений в области секса, морали, свободного времени и трудовой деятельности не позволяет отличить левого нонконформиста от благонадежного работника корпорации. У большинства, по крайней мере среди людей с высшим образованием, протестная позиция весьма хаотично совмещалась с желанием подняться по социальной лестнице. Вопреки ожиданиям, а подчас и логике эти люди совместили представления контркультурных 1960-х и нацеленных на успех 1980-х в единый социальный этос.

В ходе дальнейших исследований мне стало понятно, что наблюдаемые мной явления – прямое следствие информационного века, когда идеи и знания играют, по крайней мере, не меньшую роль, чем природные ресурсы и финансовый капитал. Неосызаемый мир информации сливается с материальным миром денег, и на свет появляются такие словосочетания, как «интеллектуальный капитал» и «культурная индустрия». В такой период наибольшего успеха добиваются те, кто способен сделать из идеи или эмоции продукт. Это высокообразованные люди, одной ногой стоящие в богемном мире творческой самореализации, другой же в капиталистическом царстве амбиций и всемирного финансового успеха. Представители новой элиты информационного века – это богемные буржуа (*bourgeois bohemians*). Для удобства мы будем использовать акроним «Бобо».

Бобо – ярчайшие представители современности. Бобо – это новая элита. Их гибридная культура создает атмосферу, которой все мы дышим. Их социальные принципы доминируют в общественной жизни. Их мораль оказывает влияние на нашу личную жизнь. Поскольку в употребленном мной понятии «элита» есть неприятный оттенок высокомерия, считаю должным заявить, что сам являюсь частью этого социального слоя, как, я подозреваю, и большая часть моих читателей. Не так уж мы и плохи. В каждом обществе есть своя элита, и наша обра-

¹ WASP (*англ.*) – акроним, обозначающий белых англосаксонских протестантов.

зованная элита куда просвещеннее элит прошлого, положение которых зиждилось на крови, богатстве или военной доблести. Там, где появляется образованная элита, жизнь становится интереснее и разнообразнее, а нравы мягче.

В этой книге содержится описание мировоззрения, нравов и моральных принципов новой элиты. Начав с поверхностных наблюдений, я подступаю к более глубоким выводам. После главы, где прослеживаются истоки состоятельного образованного класса, я описываю их покупательское поведение, культуру деловых отношений, интеллектуальную, социальную и духовную жизнь. В финале я делаю попытку обозначить перспективы развития элиты бобо. На что еще обратить ваше внимание? На протяжении всей книги я часто обращаюсь к реалиям и идеям середины 1950-х годов, поскольку то было последнее десятилетие индустриального века, и контраст между культурой тогдашней и сегодняшней элит настолько ярок, что проливает свет на многое. Более того, я обратил внимание, что многие из тех книг, что помогли мне по-настоящему понять сегодняшний образованный класс, были написаны между 1955 и 1965 годами, когда небывалый рост числа абитуриентов и студентов, оказавших решающее влияние на многие из описываемых тенденций, только начинался. В таких работах, как «Человек организации», «Смерть и жизнь больших американских городов», «Общество изобилия», «В поисках статуса», «Протестантский истеблишмент»², впервые проявился характер нового образованного класса, и, если бушующий костер 1960-х в общем и целом давно прогорел, идеи, высказанные этими интеллектуалами в 1950-х по-прежнему находят отклик.

И наконец, пара слов о тоне этой книги. Эти страницы не изобилуют статистическими данными, нет здесь и глубокой теории. Я ни в коем случае не мыслю себя конкурентом Макс Веберу. Я просто предпринял попытку описать жизнь людей, используя метод, который лучше всего описывается термином «патосоциология». Идея состояла в том, чтобы добраться до сути культурных паттернов, запечатлеть вкус времени, не пытаясь зафиксировать его путем скрупулезного анализа. Зачастую посмеиваясь над нравами своего класса (иногда мне кажется, что вся моя карьера зиждется на самоуничтожении), в конечном счете я выступаю защитником культуры бобо. Так или иначе, эта новая элита еще долго будет задавать тон в обществе, поэтому невредно будет попробовать ее понять и принять.

² William H. Whyte, «The Organization Man», 1956; Jane Jacobs, «The Death and Life of Great American Cities», 1961; John Kenneth Galbraith, «The Afluent Society», 1958; Vance Packard, «The Status Seekers», 1959; Edward Digby Baltzell, «The Protestant Establishment: Aristocracy and Class in America», 1964.

1. Возвышение образованного класса

Я не уверен, что хотел бы оказаться героем страницы свадебных объявлений «Нью-Йорк таймс», но точно знаю, что был бы рад видеть там имена своих детей. Представьте, к примеру, как счастлив был Стэнли Коган, когда его дочь Джэйми зачислили в Йельский университет. Теперь представьте, как он был горд, когда Джэйми стала членом Phi Beta Кappa³ и получила диплом с отличием. По части мозгов Стэнли и сам не лыком шит: он детский уролог в Кро-тон-на-Гудзоне и преподает в Корнуэльском медицинском центре и Нью-Йоркском медицинском колледже. И все ж он, наверное, испытал момент восторга, когда его дочь надела мантию и шапочку.

Дальше – только лучше. Джэйми без труда закончила юридический факультет Стэнфорда. А потом она встретила мужчину по имени Томас Арена – ровно такой зять и рисовался в мечтах детского уролога. Он закончил Принстон, где также был принят в Phi Beta Кappa, с отличием. После чего пошел на юридический в Йель. Затем оба устроились помощниками федерального прокурора важнейшего Южного округа Нью-Йорка.

Итак, на свадебной церемонии в Манхэттене сошлись два суперрезюме, а если принять в расчет всех присутствовавших однокашников, то совокупный счет за обучение составил бы заоблачную сумму. Нам же остается читать об этом событии на странице свадебных объявлений «Нью-Йорк таймс», которую каждую неделю с трепетом ожидают сотни тысяч читателей и будущих бытописателей бальзаковского толка. Беззастенчиво элитистская, кулуарная и совершенно непредвзятая «страница слияний и поглощений» (как называют ее некоторые поклонники) всегда давала достоверную картину, по крайней мере, части американского правящего класса. Ретроспективный анализ этих страниц отражает изменения, которые претерпевает элитный состав с течением времени.

Когда элита в Америке была родовой, особое внимание в объявлениях уделялось благородному происхождению и воспитанию. Однако в сегодняшней Америке стать частью элиты помогут высокий интеллект и мягкий нрав. Сегодня, когда заглядываешь на свадебную страничку «Таймс», совокупная мощь высоких баллов в тесте на академические способности ощущается вполне отчетливо. Дармут выходит за Беркли, диплом MBA женится на докторской диссертации, Фулбрайт⁴ сходится с Родсом⁵, Lazard Freres роднится с CBS⁶, а диплом с наивысшим отличием падает в объятия такого же диплома (реже – просто с отличием, поскольку такой брак едва ли будет устойчив). По каждому из брачующихся «Таймс» указывает четыре обязательных пункта – колледж, научная степень, этапы карьеры, профессия родителей – таковы сегодня маркеры высшего американского общества.

Даже если вы на дух не переносите обладателей идеальных резюме, не отдать им должное практически невозможно. Открытые, спокойные лица; улыбки – выставка достижений американских стоматологов; а поскольку в «Таймс» печатают только те снимки, где брови невесты и жениха расположены на одном уровне, брачующиеся всегда кажутся буквально созданными друг для друга.

В сложный и решающий период между 16 и 24 годами, вместо того чтобы бунтовать, пестовать тоску и одиночество или попросту отдаваться власти природных инстинктов, эти ребята добивались одобрения старших. Люди, добравшиеся до этих страниц, научились сдерживать гормональные приливы и всю раннюю юность радовали учителей, готовились к следую-

³ Привилегированное общество студентов и выпускников колледжей в США.

⁴ Программа образовательных грантов, учрежденная сенатором Джеймсом Уильямом Фулбрайтом.

⁵ Стипендия для обучения в Оксфорде, учрежденная Сесилем Джоном Родсом.

⁶ Lazard Freres и CBS – американские корпорации (финансовая и медийная).

щему туру дебатов, а еще находили время для внеклассных занятий или волонтерской работы, в общем, делали все, чего мы, как общество, ждем от подрастающего поколения. Член приемной комиссии, сидящий в каждом из нас, в глубине души прочит этим пай-мальчикам и девочкам блестящее будущее, а настоящие приемные комиссии принимают их в правильные колледжи и аспирантуры и выдают проездные документы в правильное будущее.

Подавляющее большинство этих ребят принадлежит к верхушке среднего класса. В 84 случаях из 100, по крайней мере, один из родителей и жениха, и невесты является топ-менеджером, профессором, адвокатом или другим представителем профессионального класса. Вы слышали про старые деньги, теперь речь идет о старых мозгах. Женятся они, как правило, поздно, средний возраст невесты 29, жениха – 32. Кроме того, все они весьма четко подразделяются на две подгруппы: хищники и радетели. Хищники – это адвокаты, трейдеры, специалисты по разнообразным рынкам – люди, которые имеют дело с деньгами, чья профессиональная жизнь – это переговоры, конкуренция, а быть крутым и натягивать других – рабочая необходимость.

Радетели – это, как правило, выпускники факультетов свободных искусств. Они становятся преподавателями, функционерами различных фондов, журналистами, активистами, художниками – это люди, имеющие дело с идеями, руководящие объединением усилий или каким-либо другим содействием. Примерно половина браков заключается между двумя хищниками: обладатель MBA университета Дьюка, трудоустроенный в Nations Bank, женится на выпускнице юрфака Мичиганского университета, работающей в Winson & Strawn. Около одной пятой союзов заключаются между радетелями: стипендиат Фулбрайта, преподаватель гуманитарных наук в Стэнфорде женится на стипендиатке Родса, преподающей там же философию. Остальные браки смешанные, где хищник, как правило, жених. Финансовый консультант с MBA Чикагского университета может жениться на учительнице начальных классов в прогрессивной школе, отучившейся на сокурсника в Колумбийском университете.

Все эти меритократы чудовищно много работают, получая громадное удовлетворение от успеха и роста карьеры, но «Таймс» хочет убедить вас, что профессиональные амбиции – далеко не единственное, что в них есть. Каждую неделю в газете печатается подробнейшее описание свадьбы, и между строк каждого подобного репортажа читается, что все эти сверхчеловеческие достижения – не более чем удачное стечение обстоятельств. Что люди эти в действительности пылкие и свободолюбивые натуры, и очень даже любят повеселиться. В еженедельной колонке с любовью описываются причудливые детали свадьбы: как невеста устроила развеселый девичник в русской бане, как специально нанятый участник группы Devo играл на церемонии музыкальную заставку из популярной телевикторины, как на другой церемонии в бывшем особняке Дюпона жених и невеста декламировали стихи А.А. Милна, посвященные Кристоферу Робину⁷. Описания обычно пересыпаны цитатами друзей, которые характеризуют новобрачных, как людей, полных очаровательных противоречий: все они уравновешенные, но неистовые; дерзкие и бесстрашные, но следуют традициям; все высокого полета, при этом крепко стоят на земле; неряшливые, но элегантные; благоразумные, но непредсказуемые. Складывается впечатление, что либо женятся нынче только люди сугубо противоречивые, либо представители этого класса желают видеть себя и своих друзей сложными личностями, в которых противоположности уравновешивают друг друга.

В заметке молодожены могут позволить себе даже немного рассказать о своих отношениях. Невероятный процент брачующихся познакомились на финише марафонского забега или же в археологической экспедиции в Эритрее в поисках доисторического человека. Потом, как правило, был длительный, без форсирования, роман, в ходе которого они проводили сов-

⁷ Цикл детских стихотворений, написанных автором «Винни-Пуха» для своего сына, который выступил в качестве прототипа Кристофера Робина из книги рассказов про медвежонка.

местный отпуск в неочевидных, но весьма познавательных местах типа Мьянмы или Минска. В какой-то момент отношения могли прерваться из-за того, что один или оба партнера с ужасом почувствовали, что утрачивают свою независимость. Затем следовал период одиночества, в ходе которого жених, скажем, организовал крупнейшее слияние на Уолл-стрит, а невеста бросила школу сомелье и пошла учиться на нейрохирурга. Но в итоге они снова сошлись (иногда оказавшись на море в компании таких же улыбочивых ребят, как они) и наконец решились жить вместе.

У нас нет сведений относительно их сексуальной жизни, поскольку странички, посвященной добрачным связям в «Таймс» еще не придумали («Джон Гринд, адвокат фирмы Skadden Arps, с дипломом Северо-Западного университета отныне совокупляется с Сарой Смит, кардиологом клиники Sloan-Kettering, продолжающей обучение в ординатуре университета Эмори»). Но их интимные отношения, надо полагать, не менее разноплановы и противоречивы: жесткие и в то же время мягкие, они раскрепощены и открыты новому, но в то же время замкнуты друг на друге.

Нам случалось читать о современных партнерах, которые делают друг другу предложение одновременно, но чаще жених действует по старинке, предлагая руку и сердце, как правило, на воздушном шаре, летящем над долиной Напа, или спрятав кольцо с брильянтом в маске для подводного плавания, во время осмотра сейшельских коралловых рифов, которым грозит исчезновение.

Нередко случаются «межконфессиональные» браки – обладательница диплома одного из университетов Лиги плюща может выйти за выпускника Биг Тен⁸, и в этом случае церемония должна быть поставлена с особым тщанием, чтобы не оскорбить ничьих чувств.

Сдержанная оригинальность – основное правило всех церемоний. Представителю потомственной элиты, суть которой в родстве и воспитании, вовсе не обязательно тщательно продумывать церемонию, в которой отражалась бы его индивидуальность. Его высокий статус обеспечивается наследственностью, поэтому и церемонию можно повторять из поколения в поколение. Однако если основанием для избранности, как у сегодняшней элиты, является интеллект, придется подумать о ненавязчивых символах, в которых бы отразилось все многообразие их личности – это как экзамен на принадлежность к элите. То есть приглашения должны быть отпечатаны на отлитой вручную бумаге, но стандартным шрифтом. В звуковом сопровождении песни Патси Кляйн должны соседствовать с Мендельсоном. Платье должно быть в стиле 1950-х, но это такое ретро, что опытный взгляд разглядит невидимые кавычки. Свадебный торт должен быть в виде барочной церкви. Придется также обменяться многозначительными подарками, это может быть сноуборд с вашей любимой цитатой из Шиллера или детская резиновая уточка, которая была вам единственным утешением в первые суровые дни стажировки в Верховном суде. Придумать оригинальную свадебную завитушку, которая отличалась бы от других, не слишком при этом выделяясь, не так-то просто. Но именно в самовыражении и заключен смысл существования образованного человека. Для представителей образованного класса – вся жизнь это сплошная аспирантура. А после смерти Господь встречает их у ворот, подводит итог, в скольких видах самовыражения они преуспели, и, выдав божественный диплом, запускает в рай.

⁸ Лига плюща и Биг Тен (Большая десятка) – престижные ассоциации частных университетов США.

Пятидесятые

Свадебные страницы «Таймс» не всегда были пересыпаны достижениями героев резюме. В конце 1950-х тон этого раздела был более спокойным и величавым. Место работы и дипломы с отличием в свадебных объявлениях той эпохи не акцентировались. Если профессия жениха иногда указывалась, то занятия невесты почти не упоминались (а в редких исключениях об этом говорилось в прошлом, как если бы со вступлением в брак карьера невесты должна была непременно закончиться). Вместо этого особое внимание «Таймс» уделяла родству и связям. Часто упоминались далекие предки. Перечислялись шаферы и подружки невесты. Наряду с колледжами всегда указывались частные школы. В «Таймс» никогда не забывали указать членом каких клубов состоит жених – «Юнион Лиг», «Космополитан». Автор мог бегло пройтись по истории невесты в качестве дебютантки: когда она была представлена обществу и в каких женских клубах, например «Джуниор Лиг», она состоит. В общем, страница эта была вселенной закрытых организаций. Немало слов посвящалось платью невесты, исчерпывающим было и описание цветочных украшений.

Читая свадебные страницы тех лет, натыкаешься на предложения, которые невозможно себе представить в сегодняшней рубрике: «Ее род восходит к Ричарду Уоррену, прибывшему в Брукхэйвен в 1664 году. Жених – потомок доктора Бенджамена Тредвела, поселившегося в Старом Вестбери в 1767-м, вышел из славных стен школы Ганнери и получил диплом университета Колгейта». Или: «Миссис Уильямс, закончив Эшли Холл и Смит Колледж, стала кандидаткой в члены „Джуниор Лиг“ Нью-Йорка и была представлена обществу в 1952 году на рождественском бале дебютанток». Даже подписи к фотографиям сегодня выглядели бы дико: «Миссис Питер Джей. Белтон, в прошлом Нэнси Стивенс». (Сегодня такая формулировка используется в «Таймс» только для обозначения людей, переживших операцию по перемене пола.)

Более сдержанные манеры газетчиков не позволяли указывать возраст молодоженов, но они, как правило, были значительно моложе; жених зачастую еще учился в университете. Мужчины часто были выпускниками Уэст-Пойнта или Аннаполиса, поскольку военные академии все еще считались престижными в среде истеблишмента Восточного побережья, а юные представители элиты охотно служили в армии. Сам раздел в конце 1950-х был куда более развернутым; в июньском воскресном выпуске он разрастался до 28 страниц, на которых описывалось до 158 свадеб.

Сами церемонии куда чаще, нежели теперь, проводились в старинных пригородах – таких, как Брин-Моур на филадельфийском побережье, Гринвич в Коннектикуте, Принстон в Нью-Джерси или фешенебельных городках возле Чикаго, Атланты, Сан-Франциско – на всем просторе США. Свадебный раздел был, конечно, куда более WASP, примерно половина из брачующихся венчалась в англиканской церкви. Сегодня англикан в разделе меньше одной пятой, зато до 40 процентов евреев, и заметно чаще встречаются азиатские имена. Оценить динамику влияния религиозных групп по этому показателю сложно, поскольку в 1950-х еврейские свадьбы печатались отдельно по понедельникам. Однако тенденция очевидна: за последние 40 лет англиканцам приходилось туже, а евреям все вольготнее.

Когда рассматриваешь лица и читаешь описания свадеб 1950-х, кажется, что это другой мир, а ведь прошло не так много времени – большинство из людей с этих пожелтевших страниц еще живы, и значительная часть тогдашних невест по-прежнему замужем, далеко не всех сменили на молоденьких секретарш. Эти страницы вызывают воспоминания о целом микросоциуме, обладавшем значительным влиянием тогда и почти забытом сегодня: сеть мужских и кантри-клубов, юридические фирмы, состоявшие исключительно из выпускников Лиги плюща, дубовые кабинеты Уолл-стрит, WASP-патриархи.

У каждого свой образ старой протестантской элиты: манера говорить сквозь зубы, светский календарь, конный спорт в университетах Лиги плюща, бесконечные мартини и хайболы, рабочий день только до обеда, накрахмаленные старики – Аверелл Гариман, Дин Ачесон, Джон Макклой⁹, местные заправки, описание которых можно встретить в рассказах Джона Чивера и Джона О'Хары. Конечно, любая эпоха сложнее расхожих представлений: Джон Макклой – классический патриций Восточного побережья на самом деле добился всего своим трудом, однако социологические свидетельства эпохи, как правило, подтверждают стереотипы.

Тогда отчетливо ощущалась связь с европейской культурой. «Заставь Джона выучить греческий», – прокрипел отец Макклоя на смертном одре. Юные особы были верны аристократическим ритуалам выхода в свет, сложное устройство которых давно кануло в Лету. На Рождество барышни поголовно спешили стать дебютантками, тогда как День благодарения подразумевал общение в более узком кругу избранных. Для основных протестантских деноминаций то было время процветания. Согласно исследованиям того времени, три четверти военной, политической и бизнес-элит были протестантами. В конце 1950-х – начале 1960-х вполне реально было говорить об аристократическом правящем классе, национальной элите, представители которой заканчивали расположенные в северо-восточных штатах частные школы – Гротон, Андовер, Эксетер, Сэйнт-Пол, после чего отправлялись на Уолл-стрит потрудиться в фирме с хорошей репутацией, а затем уже в совет директоров крупнейших корпораций и Вашингтонские властные кабинеты.

Нельзя сказать, что представители WASP-элиты полностью контролировали страну, однако они обладали гипнотической магией престижа. В 1962 году Ричард Ровер в своем знаменитом эссе «Американский истеблишмент» писал: «Они обладают практически непрерываемым правом решать, какое мнение заслуживает доверия, а какое нет». На фотографиях в «Тайм» или «Ньюсвик» тех лет появляются практически только белые мужчины под шестьдесят. Кроме прочего, эта элита обладала способностью доводить амбициозных выскочек, не имевших правильного воспитания – таких, как Линдон Джонсон и Ричард Никсон, – практически до безумия.

Местная элита каждого процветающего города Америки копировала манеры и воззрения общенациональной. В местных клубах отцы города собирались, чтобы обменяться некорректными анекдотами и отобедать каре ягненка с консервированным сметанным соусом из спаржи, грибов или порея. (Тогда люди не заботились о содержании холестерина, поскольку заболеть и умереть еще не считалось зазорным.) Эстетическое чувство этой элиты оставляло желать лучшего – Менкен¹⁰ говорил, что у протестантской верхушки «тяга к уродству» – и беседы их, судя по всему, не отличались ни остроумием, ни глубокомыслием. Они мучили своих дочерей, сначала позволяя им учиться верховой езде, а затем заставляя участвовать в конкурсах, где дебютантки соревновались в добродетелях, столь характерных для WASP и столь несвойственных сегодняшней образованной элите: правильная осанка, мягкие манеры, безупречная личная гигиена, дисциплина ради дисциплины, способность подолгу сидеть ровно.

То была эпоха, когда пьянство еще было приемлемо в обществе, а игра в поло и охота на лис не казались пережитком прошлого. Однако оголтелый элитизм и сегрегация того мира поражает нас более всего. И пусть истеблишмент той эпохи не был и вполнину столь закрытым сословием, каким были элиты прошлого – Вторая мировая нивелировала многие барьеры – высшему обществу 1950-х по-прежнему был свойственен бытовой антисемитизм, расизм, сексизм и тысяча других неписаных законов, которые закрывали двери перед всеми, чья гене-

⁹ Джон Макклой (John McCloy, 1895–1989) – американский государственный деятель и бизнесмен, президент Всемирного банка в 1947–1949 гг., верховный комиссар зоны США в Германии в 1949–1951 гг., далее – председатель совета директоров рокфеллеровского «Чейз Манхэттен Банка».

¹⁰ Генри Луис Менкен (Henry Louis Mencken, 1880–1956) – американский журналист, критик и эссеист.

алогия не соответствовала требованиям. Еврейские и протестантские мальчики из состоятельных семей, проведя за совместными играми все детство, в 17 лет были вынуждены расстаться, став частью еврейского и нееврейского обществ, существовавших на разных орбитах со своими сезонами для дебютанток, танцевальными школами и общепринятым протоколом. Протестантский бизнесмен мог плодотворно работать бок о бок с еврейским коллегой, но он и думать не мог о том, чтобы порекомендовать его в свой клуб. Когда сенатор Барри Голдуоттер решил сыграть в гольф в закрытом клубе «Чеви Чейз», ему напомнили, что клуб закрытый. На что он, по легенде, ответил: «Я еврей всего на половину, может, позвольте пройти хотя бы девять лунок?»

Кроме прочего, протестантская элита откровенно не жаловала интеллектуалов. О «яйце-головых» и «высоколобых» в этих кругах принято было говорить с вежливым презрением. Собственно, положение WASP'ов, как несколькими десятилетиями ранее обозначил Фрэнсис Скотт Фитцджеральд, зиждилось на «животном обаянии и богатстве». В отличие от сегодняшнего правящего класса, их отношение к собственному богатству не отягощалось сложными вопросами. Они признавали, что расточительство – это дурной тон, и ценили бережливость, однако собственные деньги они не рассматривали, как вызов декларируемым в Америке принципам равенства. Напротив, большинство воспринимали свой высокий статус, как нечто само собой разумеющееся, полагая, что их положение – это часть естественного и правильного мироустройства. Аристократия будет всегда, и людям, которым посчастливилось приобрести этот статус по праву рождения, следовало лишь вместе с привилегиями принимать и некий круг обязанностей. В лучшем случае они придерживались аристократического кодекса. Честь, долг, служба были для них не просто словами. Лучшие из них блюли кодекс природной аристократии, включенный почитаемым ими Эдмундом Берком¹¹ в «Обращение новых вигов к старым».

Кодекс Берка имеет смысл процитировать целиком, поскольку в нем содержатся идеалы, на фоне которых особенно интересно рассматривать сегодняшние этические принципы:

«Воспитываться в пристойном месте; в детстве не соприкасаться ни с чем низким или подлым; научиться уважать себя и других; быть готовым к пристальному и придирчивому общественному вниманию; с юных лет прислушиваться к общественному мнению; занимать позицию достаточно возвышенную, чтобы она позволяла охватывать широким взглядом разветвленные и бесконечно разнообразные сплетения людей и ситуаций в большом обществе; оставлять время на чтение, размышления, беседы; уметь привлечь внимание и заслужить уважение людей мудрых и ученых, где бы они ни оказались; на военной службе быть готовым командовать и подчиняться; научиться презирать опасность, когда речь идет о долге и чести; в делах, не допускающих ошибок, когда любая оплошность может привести к самым разрушительным последствиям, всегда оставаться в высшей степени бдительным, предусмотрительным и осторожным; стремиться к сдержанному и упорядоченному поведению, исходя из того, что вы должны служить примером для сограждан в наиболее сложных ситуациях и быть посредником между Богом и человеком; служить блюстителем закона и справедливости, оставаясь, таким образом, среди первых благодетелей рода человеческого; глубоко постичь точные или гуманитарные науки или овладеть истинным искусством; занять место среди богатых купцов, успех которых объясняется острым умом и недюжинной хваткой, а также воспитывать в себе такие достоинства, как усердие, любовь к порядку, постоянство и порядочность, а также культивировать врожденную склонность к суду справедливому, но милосердному: таковы должны быть качества людей, которых я отношу к природной аристократии, без которой нет и не может быть государства».

¹¹ Эдмунд Берк (Edmund Burke, 1729–1797) – английский парламентарий, общественный деятель, идейный родоначальник британского консерватизма.

Некоторые пункты этого кодекса едва ли можно назвать актуальными – акцент на военной доблести, идеи о необходимости подавать личный пример согражданам, о возможности посредничества между Богом и человеком. И поскольку упадку протестантской элиты никто не посвятил такой прекрасной элегии, как «Леопард», где Джузеппе Томази ди Лампедуза оплакал упадок сицилийской аристократии, или такой элегантной эпитафии, какой Ивлин Во проводил британскую аристократию в «Возвращении в Брайдсхед», мы по-прежнему смотрим на ушедших WASP'ов с определенной долей восхищения, несмотря на роковые пороки расизма, антисемитизма и кастовости.

Традиции служения обществу, которыми следовали лучшие представители протестантской элиты, остаются непревзойденными. Их устремления не всегда были ясными, зато долг они отлично всё понимали. Они пестовали хорошие манеры и самоконтроль, и в ретроспективе они кажутся более весомыми, нежели мы, пришедшие им на смену, возможно, потому, что им пришлось большим пожертвовать. Подобно Джорджу Бушу-старшему, молодые джентльмены не задумываясь шли добровольцами на фронт во время Второй мировой. В обеих мировых войнах погибло непропорционально больше отпрысков именно привилегированных протестантских семей. В отличие от следовавших неумоимо бунтовавших поколений, эти юноши были немногословны и сдержанны. Они также были значительно менее склонны к нарциссизму. «Ты слишком много говоришь о себе, Джордж», – посетовала Бушу его мать на пике президентской кампании 1988 года. А главное – это они стояли у руля Америки в ходе самого успешного для этой страны столетия, они же выстроили многие институты, которыми образованная элита охотно пользуется и сегодня.

Эпоха перемен

Англиканские невесты с их предками из ранних поселенцев, воспоминаниями о первом бале и женихами из высшего света блистали на страницах свадебных объявлений в 1959 году, а их мир уже висел на волоске. Потрясшие основы реформы, как и многие другие важнейшие решения, созрели в приемных комиссиях университетов. Без лишней шумихи и привлечения общественного внимания преподаватели положили конец протестантской элите. В истории Гарварда, рассказанной Ричардом Херрнштейном и Чарльзом Мюрреем в первой и наименее противоречивой главе их книги «Кривая колокола», дан краткий пересказ важнейших событий. В 1952 году большинство первокурсников Гарварда были выходцами из тех же бастионов WASP-истеблишмента, что упоминались на свадебных страничках «Нью-Йорк таймс»: частные школы Новой Англии (только Андовер и Эксетер поставляли до 10 процентов курса), манхэттенского Ист-Сайда, главной ветки Филадельфии, Шэйкер-Хайтс в Огайо, Голд-Кост в Чикаго, Гросс-Пойнт в Детройте, Ноб-Хилла в Сан-Франциско и так далее. Две трети таких абитуриентов становились студентами. А у сыновей выпускников Гарварда вероятность поступления составляла 90 процентов. Средний бал в устном тесте на академические способности составлял 583 – показатели неплохие, но не заоблачные. Тот же показатель по университетам Лиги плюща в целом был тогда ближе к 500 баллам.

Потом начались перемены. К 1960 году проходной бал в устном тесте на академические способности достиг 678, а в тесте по математике 695 – это уже больше похоже на заоблачные показатели. Среднестатистический первокурсник 1952 года едва попадал в крайние снизу десять процентов свеженабранного потока 1960 года. Более того, курс 1960-го представлял собой куда более широкий социоэкономический срез. Толковые ребята из Квинса, Айовы или Калифорнии, которые десять лет тому назад и подумать не смели о подаче документов в Гарвард, теперь сдавали экзамены и поступали. Из колледжа, обслуживающего главным образом элиту северо-восточных штатов, Гарвард стал мощным университетом, собирающим под своей сенью все больше способной молодежи со всей страны. И переход этот был повторен практически всеми престижными вузами. К примеру, в футбольной команде Принстона в 1962 году было 62 юноши, и только десять процентов из них закончили частные школы. Тремя десятилетиями ранее принстонская команда полностью состояла из выпускников частных школ.

Как это произошло? В своей книге «Большой тест» Николас Леманн дает весьма убедительный ответ. Эта история замечательна тем, что протестантская элита сама себя погубила, причем из наилучших побуждений. После Второй мировой президентом Гарварда стал Джэймс Брайант Конант – представитель верхушки протестантской элиты. Тем не менее Конанта всерьез беспокоила перспектива развития Америки в сторону усиления наследственной аристократии, состоящей из благовоспитанных юношей, подобных тем, которых он обучал в Кембридже. Конант мечтал заменить эту элиту новой, главенствующее положение которой основывалось бы на личных достоинствах. Он не рассчитывал на широкие образованные слои населения, принимающие верные решения демократическим путем. Вместо этого он возлагал надежды на избранный класс хранителей знаний, которые после обучения в элитарных университетах посвятили бы себя беззаветному служению обществу.

Чтобы найти этих хранителей, Конант привлек Генри Чонсея, выпускника Гротона и Гарварда, прихожанина англиканской церкви, потомка первых пуритан. Масштабного видения общества будущего у Чонсея не было, и сфера его интересов имела характер узкоспециальный – он горячо верил в стандартизированные тесты и большие перспективы социологии. Как другие энтузиасты посвящают себя железным дорогам, атомной энергии или интернету, так Чонсей был без ума от тестов. Он был уверен, что это потрясающий инструмент, который даст экспертам возможность измерять человеческие способности и управлять обществом на

более справедливых и рациональных основаниях. В итоге, заняв пост главы Службы образовательных тестов, создавшей базовый тест на академические способности, Чонсей стал одним из немногих социальных инженеров, которым довелось практически полностью воплотить свои идеи в жизнь. Леманн в своей работе заключает, что сегодня мы живем в мире, созданном Конантом и Чонсеем и их инициативой по смене собственной элиты на новую, основанную на личных способностях, во всяком случае, в той мере, насколько тест на академические способности может их выявить.

Когда Конант и Чонсей приступили к своей миссии, интеллектуальное сообщество было чрезвычайно восприимчиво к подобного рода идеям. Американские интеллектуалы, возможно, никогда не были столь уверены в собственных возможностях, ни до, ни после. Социологи, психологи, макроэкономисты были убеждены, что они открыли способы решения личных и социальных проблем. Работы Фрейда, обещавшие раскрыть пружины и механизмы человеческого сознания, были на пике своего влияния. Полемика вокруг маккартизма мобилизовала разрозненные сегменты интеллектуального класса. Запуск спутника подкрепил мнение, что застой в сфере образования угрожает национальным интересам. Наконец, Джон Ф. Кеннеди ввел интеллектуалов в Белый дом, запустив их в социальную стратосферу (так, по крайней мере, полагали многие из них). Как мы увидим в четвертой главе, интеллектуалы стали еще серьезнее к себе относиться, и, как правило, неспроста.

Конант и Чонсей были не единственными представителями академических кругов, активно отстаивавших интеллектуализм вопреки ценностям протестантской элиты. В 1956 году вышла книга Чарльза Райта Миллса «Властвующая элита», содержащая прямые нападки на правящий класс. В 1959 году Жак Барзан опубликовал работу «Дом интеллекта», в 1963-м Ричард Хофстедтер написал «Антиинтеллектуализм в американской жизни» – пространную отповедь, массированную атаку академической суперзвезды на «практичные» слои как состоятельных, так и бедных сограждан. В 1964-м Дигби Балтцелл написал «Протестантский истеблишмент», книгу, в которой впервые появился термин WASP и были подробно расписаны все интеллектуальные и этические ошибки этого класса. Симпатизируя идеалам протестантской элиты, автор утверждал, что этот слой превратился в замкнутую касту самодовольных дельцов, не желающую освежать свои ряды и допускать новых способных членов. В общем и целом профессура хотела, чтобы университеты стали теплицей для наиболее способных в интеллектуальном плане молодых людей, а не образовательной принадлежностью социальной элиты. Преподаватели требовали от приемных комиссий, чтобы те критически относились к наследственным абитуриентам.

Протестантской элите не раз приходилось давать отпор претендентам на свою культурную гегемонию – они либо просто их не замечали, либо предпринимали контратаку. В первой половине века происходило то, что историк Майкл Нокс Беран назвал «рисорджименто»¹² состоятельных». Рузвельты и подобные им семьи восприняли суровую мужскую этику, с тем чтобы элита Восточного побережья восстановила жизнеспособность и уверенность в собственных силах, тем самым сохранив свое главенствующее положение в обществе. В 1920-х, почуввав потенциальную опасность для «характера» своих институций, управляющие университетов Лиги плюща ужесточили официальные и неофициальные квоты для евреев. За два года Николас Мюррей Батлер снизил пропорцию евреев с 40 до 20 процентов во вверенном ему Колумбийском университете. Президент Гарварда Эббот Лоуренс Лоуэлл также диагностировал «еврейский вопрос» в своем университете и снизил квоту для его решения. Однако к концу 1950-х представители протестантской элиты не могли далее оправдывать подобную дискриминацию ни перед другими, ни перед собой. Энджер Биддле Дьюк, начальник прото-

¹² Risorgimento – исторический термин, обозначающий национально-освободительное движение и объединение Италии.

кольной службы Джона Ф. Кеннеди, был вынужден выйти из своего любимого мужского клуба – «Метрополитан» Вашингтона, – потому что это был закрытый клуб.

История, как однажды заметил Парето¹³, это кладбище аристократий, и к концу пятидесятых – началу шестидесятых WASP-элиты уже не верила в тот кодекс и социальные ограничения, на которых она держалась. Возможно, представители этой элиты просто утратили волю к борьбе за свои привилегии. По теории писателя Дэвида Фрума, к тому моменту последняя эпоха крупных состояний уже полвека как прошла. В великих семействах подрастало уже как минимум третье поколение джентльменов с утонченными манерами, и сил для борьбы, возможно, просто не оставалось. А может, этический ландшафт изменился из-за Холокоста, который дискредитировал расовые предрассудки, на которых и зиждился протестантский истеблишмент.

Так или иначе, но все эти важнейшие тенденции Дигби Балтцелл отследил еще в 1964 году. В «Протестантском истеблишменте» он писал: «Складывается впечатление, что иерархия университетских кампусов, регулируемая ценностями, которыми руководствуются приемные комиссии, постепенно вытесняет классовую иерархию городских общин, которые по-прежнему живут отцовскими представлениями... Как в Средние века основной дорогой для талантливых и амбициозных самовыдвиженцев из низших слоев была церковная иерархия и как предпринимательство XIX века привело к возникновению и реализации мечты о преодолении социальных рамок „из грязи в князи“ (когда мы были преимущественно англосаксонской страной), так университетский кампус сегодня стал основным сосредоточием традиционных для нашей культуры идеалов страны больших возможностей».

Двери кампуса теперь распахивались не для белой кости, но для светлых голов, и в течение нескольких лет университетский ландшафт заметно преобразился. Гарвард, как мы видели, из университета для детей из хороших семей со связями стал школой для башковитых и усердных. Другие ведущие университеты отменили квоты для евреев, а потом сняли ограничения и для женщин. Более того, количество образованных американцев возросло в арифметической прогрессии. Процент населения США с высшим образованием увеличивался на протяжении всего XX века, однако между 1955 и 1974 годами эти показатели просто зашкаливали. Среди новых студентов было много женщин. С 1950-го по 1960-й количество студенток увеличилось на 47 процентов. А между 1960-м и 1970-м подскочило еще на 168 процентов. Все последующие десятилетия количество студентов непрерывно росло. В 1960-м в стране было порядка 2000 вузов. К 1980-му их было уже 3200. В 1960-м в Соединенных Штатах работало 235 000 преподавателей, к 1980-му их было уже 685 000.

Иными словами, до этого периода в престижных университетах преобладала WASP-элита, и соответственно ее представители составляли значительный процент обладателей диплома о высшем образовании. К концу же указанного периода отпрыски хороших семейств более не доминировали в престижных университетах и составляли лишь незначительную прослойку образованного класса. При этом престижные университеты сохранили свой статус. Процент выпускников Лиги плюща в справочнике «Кто есть кто в Америке» остается неизменным последние лет 40. Свое главенствующее положение они сохранили, отказавшись от посредственных потомков старой элиты в пользу способных студентов без каких-либо связей.

Быстрому разрастанию образованного класса суждено было оказать на Америку влияние столь же существенное, какое быстрая урбанизация оказала на развитие иных стран в другой исторический период. К середине 1960-х WASP'ы средних лет по-прежнему пользовались в корпоративном мире определенным авторитетом, обладали громадным социальным и политическим влиянием, не говоря уже о финансовом капитале. Но в кампусах их уже подвинули.

¹³ Вильфредо Парето (Vilfredo Federico Damaso Pareto, 1848–1923) – итальянский инженер, экономист и социолог. Один из основоположников теории элит, автор «закона Парето».

Теперь представьте себя молодым дарованием, чьи родители работают, скажем, фармацевтом и учительницей начальных классов. На дворе середина 1960-х, и вас принимают в престижный университет. Вы – один из целой когорты парвеню в области образования. В кампусе еще видны некоторые внешние атрибуты WASP-культуры, однако присутствие новичков лишает их привычного блеска. Если посмотреть за пределы университетского кампуса, станет очевидно, что представители последнего поколения старой гвардии, которых мы знаем по свадебным фотографиям из «Нью-Йорк таймс», по-прежнему занимают ключевые посты и пользуются авторитетом в обществе. Они работают на самых престижных и влиятельных должностях, но на те же должности претендуете и вы. Кроме того, эти люди продолжают жить в соответствии с этикой, которую вы считаете предвзятой и удушающе архаичной. Этот основанный на родстве и связях этос, кроме прочего, мешает вашему карьерному росту. Вы и многие ваши ровесники, даже не осмысливая этого, естественным образом постараетесь положить конец отжившему режиму. Вы постараетесь уничтожить то, что осталось от этоса протестантской элиты и заменить его собственным, основанным на личных достижениях.

В более широком смысле вы попытаетесь изменить сам общественный строй. Восхождение меритократов можно понимать как классическую революцию больших ожиданий. Предложенная Токвилем теория революций оказалась верной: чем более ощутимым становится успех возвышающегося слоя, тем менее терпимы становятся оставшиеся препятствия. Социальная революция конца 1960-х была не чудом и не стихийным бедствием, как иногда ее преподносят и правые, и левые публицисты. Это было логическое продолжение важнейших тенденций, сложившихся между 1955 и 1965 годами. Правила формирования элит должны были измениться. Культура высших слоев Америки входила в революционную стадию.

Шестидесятые

«Как поживает наш титулованный молодой специалист?» – спрашивает персонажа Дастина Хоффмана один из напыщенных взрослых, когда тот спускается в гостиную в первой сцене киноленты «Выпускник». Картина Майка Николса, ставшая хитом проката в 1968 году, повествует о склонном к самоанализу выпускнике Бене, который, вернувшись в богатый белый калифорнийский пригород после успешного окончания одного из университетов Восточного побережья, с ужасом осознает, как глубока культурная пропасть между ним и его родителями. Как и предсказывал Балтцелл, университетские ценности заменили родительские. В знаменитой начальной сцене радушные шумные «взрослые» WASP'ы чествуют Бена как героя и, передавая из рук в руки, сюсюкают, как с младенцем. Лицо Хоффмана выглядит, как оазис спокойствия посреди бушующего добродушия в стиле Дэйла Карнеги. Здесь царит веселье, привычное для коктейльных вечеринок. Мама приносит выпускной альбом и зачитывает записи о его достижениях. Самодовольный делец выводит его к бассейну и, раздувая щеки, сообщает, что будущее за пластиком, – в этой сцене культурный упадок старого порядка демонстрируется без прикрас.

Зарабатывающие миллионы кинематографисты совершенно безжалостно изображают миллионеров из бизнесменов и адвокатов, и в «Выпускнике» лишенный всякого сострадания взгляд исследует жизнь протестантской элиты: роскошные мини-бары, клюшки для гольфа с монограммами владельца, золотые часы, белая мебель на фоне белых стен, ограниченность и лицемерие и, на примере миссис Робинсон, подтопленное коктейлями отчаяние. Бен еще не знает, чего он хочет от жизни, но уверен – точно не этого.

В романе, по которому был снят фильм, Бен Брэддок описывается как высокий блондин с голубыми глазами, и Майк Николс сперва думал позвать на роль Роберта Редфорда. В этом случае у зрителей не возникло бы вопросов, почему миссис Робинсон испытывает к Бену такое влечение, однако это не гарантировало бы картине такого шумного успеха. Кому захочется отождествлять себя с тоскливым голубоглазым Адонисом? Вот Хоффман – тонкая натура, не какой-нибудь арийский Дик Дайвер¹⁴. Он стал идеальным воплощением всех стремящихся к успеху нацменов, каких становилось все больше в университетах, и, оказавшись в богатых пригородах, они понимали, что жизнь там скучна, а атмосфера удушлива.

Восстание образованного класса, которое мы называем «шестидесятые», включало в себя множество течений, наиболее важными из которых были движения за права человека и против войны во Вьетнаме. Другие акцентировались на недостойных нашего внимания глупостях, значение третьих, таких, как, например, сексуальная революция, было существенно преувеличено (на самом деле на сексуальное поведение в значительно большей степени повлияли мировые войны, нежели Вудсток). Однако в своей основе культурный радикализм шестидесятых ставил под сомнение сложившиеся представления об успехе. Это было не только политическое движение с целью смещения старой элиты с ключевых позиций. То было культурное усилие поднимающих голову классов по окончательному разрушению престижа, который еще ассоциировался со стилем жизни и моральным кодексом протестантской элиты, и замещению старого порядка новыми общественными нормами, в которых отражались бы свойственные новому классу духовные и интеллектуальные идеалы. Радикалы шестидесятых отказывались от приоритета хороших манер, от желания быть не хуже других, от господствовавшего понятия о респектабельности, от представления о том, что жизненный успех можно измерить доходом, имуществом, умением себя держать. Детям демографического взрыва хотелось низвергнуть всех идолов протестантской элиты. Причиной культурных конфликтов 1960-х были демогра-

¹⁴ Персонаж романа Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна».

фические сдвиги 1950-х. Или как предсказывал в «Протестантском истеблишменте» не перестающий удивлять Дигби Балтцелл: «Экономические реформы одного поколения часто приводят к социальным конфликтам в следующем».

Что же именно могло так не нравиться лидерам студенческого движения в свадебной секции «Нью-Йорк таймс» 1959 года? Специфические культурные изменения, предвестником которых стал образованный класс, будут рассматриваться в последующих главах. Однако краткий список не будет здесь лишним, поскольку тип мышления, сложившийся, когда образованный класс находился в радикальной стадии, продолжает влиять на образ мыслей и сегодня, когда он стал господствующим. Так вот студенты-активисты презирали брачующихся со страниц «Таймс» за то, что воспринималось ими как конформизм, формализм, традиционализм, четко расписанные гендерные роли, поклонение предкам, привилегированность, беззастенчивый элитизм, несклонность к рефлексии, самодовольство, сдержанность, богатство, воспринимаемое как нечто само собой разумеющееся, душевная черствость.

Позднее мы подробно поговорим о сопутствующих этим процессам культурных сдвигах, однако в общем и целом можно сказать, что радикалы-шестидесятники предпочитали богемное самовыражение и презирали предшествовавшую им элиту за строгий самоконтроль. Надо отметить, что их усилия по искоренению норм и обычаев старой элиты обошлись обществу недешево. Старые авторитеты и сдерживающие факторы были упразднены. Для миллионов граждан это было настоящее, зачастую катастрофическое крушение общественных устоев, и силу этого крушения можно оценить по резкому скачку в статистике разводов, преступности, наркомании и внебрачных детей.

Страница свадебных объявлений «Нью-Йорк таймс» конца 1960-х – начала 1970-х отражает контрасты и противоборства этой непростой эпохи. Начнем с того, что раздел стал значительно меньше. Если в июньском выпуске 1959 года рассказывалось о 158 свадьбах, то в конце 1960-х – начале 1970-х в таком же июньском выпуске их было порядка 35. Идущие в ногу со временем молодые не желали сообщать о своем бракосочетании на страницах, считавшихся бастионом элитизма и устаревших ритуалов. Среди тех, кто решался напечатать объявление, наблюдается удивительная двойственность. Одни как будто не замечают бушующих вокруг них перемен. По этим абзацам по-прежнему щедро рассыпаны упоминания о членстве в «Джуниор Лиг», частных школах, знаменитых предках и балах дебютанток. Эти брачующиеся как будто вовсе не отличаются от своих предшественников из 1950-х. Однако несколько столбцов теперь занимают описания свадеб, где все присутствующие были босиком, а сама церемония напоминала ритуал языческого солнцеворота. В другом объявлении говорилось, что, избавившись от традиционных условностей, жених и невеста сами написали свои клятвы верности, а на свадьбе у них играла рок-группа. На самом деле практика написания собственных клятв верности обозначила поворотный пункт. Те, кто клялся по-старому, связывали себя с предшествующими поколениями и занимали свое место в великой цепи традиции. Те же, кто составлял свои клятвы самостоятельно, выражали свою индивидуальность и свое стремление к созданию институций, отвечающих индивидуальным потребностям. Они предпочитали видеть себя скорее создателями, нежели наследниками традиций. Таким образом, они соблюдали первую заповедь образованного класса: «Создай свою индивидуальность».

Конечно, самая знаменитая свадьба этой эпохи была сыграна в последней сцене «Выпускника». Элейн в исполнении Катарины Росс немного поспешно, однако соблюдая весь положенный церемониал, выходит замуж в современном здании пресвитерианской церкви в Санта-Барбаре за накрахмаленного белокурого доктора, типичного WASP'a. Мы уже поняли, что он ретроград по тому, как он делал ей предложение: «Из нас получится отличная команда», – в этой фразе отразилась и душевная черствость WASP-культуры и свойственный ей состязательный дух. Под конец церемонии в церковь вбегает взъерошенный Бен и, забравшись на хоры, начинает колотиться в стеклянную стену над нефом и звать Элейн. Невеста смотрит на него,

потом на злобные лица родителей и жениха и решает убежать с Беном. Мать Элейн, миссис Робинсон шипит: «Слишком поздно», – на что Элейн выкрикивает: «Только не для меня». Бен и Элейн отбиваются от родственников и гостей и запрыгивают в рейсовый автобус. В течение долгой финальной сцены они едут в этом автобусе, сидя бок о бок, Элейн в свадебном платье, и сперва они, конечно, счастливы, но потом эйфория постепенно проходит, и они уже выглядят немного испуганными. Они уже свернули с навязанной им дороги, но каким путем пойдут дальше, они еще не придумали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.